

**Т.В. Гайдай, канд. экон. наук, доцент,
докторант кафедры экономической теории,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко**

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ:

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ментальность (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Как категория обществоведения, она характеризует духовно-психологическую сферу, ценностные ориентиры и способ мышления, выражает повседневный образ индивидуального и коллективного сознания. Как любой социальный феномен, ментальность исторически изменчива, но изменения в ней происходят довольно медленно. Понятие ментальности введено в научный оборот для исследования сознания людей в социальном, политическом и этническом контекстах. Активное интердисциплинарное взаимодействие экономической теории с другими общественными науками, усиление антропоцентризма ее отдельных течений (традиционный и новый институционализм) способствовало включению этой категории и в современные экономико-теоретические исследования.

В последние годы в контексте исследования содержания и результативности институционального реформирования (проектирования) в постсоциалистических странах прослеживается растущий исследовательский интерес ученых-экономистов к проблемам экономической ментальности. В частности, предпринимаются попытки идентификации ее национальных особенностей, определения степени соответствия собственной национальной экономической ментальности европейской и «рыночной ментальности». Это важно для формирования более реалистических представлений о действенности, результативности и возможных перспективах социально-рыночного реформирования в соответствующем данной стране сегменте постсоветского пространства.

Сущность экономической ментальности. С точки зрения расхожих стереотипов восприятия экономической ортодоксии (в том числе и в постсоветских странах) складывается впечатление о том, что ментальность как таковая (в том числе и экономическая) не входит в предмет экономической теории, а потому не может претендовать на теоретическую разработку в рамках этой научной дисциплины.

В этой связи следует напомнить, что в своем генезисе классическая политэкономия (смитианство) непосредственно восходит к моральной философии, само название которой свидетельствует о родстве с проблемами ментальности. Да и последующая история экономической теории свидетельствует, что практически на всем ее протяжении отдельные составляющие содержательного наполнения ментальности включались представителями многих направлений и школ (преимущественно гетеродоксии) в предмет экономического исследования. Причем зачастую - в качестве важных концептуальных элементов их теорий. Достаточно вспомнить альтруизм человеческого поведения в «Теории нравственных чувств» А. Смита, эгоизм и склонность к обмену «экономического человека» из его же «Богатства народов». В

немецкой экономической мысли - это национально-культурные составляющие производительных сил в теории Ф.Листа, черты экономической ментальности наций и «буржуазный дух» в работах В. Зомбарта, «дух капитализма» М. Вебера. Примером также может служить включение в предмет экономического исследования инстинктов, как составляющих экономического поведения человека, учет привычного способа мышления в теории Т. Веблена и других представителей раннего институционализма.

В XX ст. понятие ментальности активно вошло в научный оборот в философии, социальной психологии, психо- и социоистории, этнологии, исторической антропологии, социолингвистики. Применительно к экономической теории речь также может идти о целесообразности оперирования понятием экономическая ментальность. Хотя в широком научном контексте ему, видимо, еще предстоит войти в категориальную сетку экономической науки, по крайней мере, отечественной (украинской). Поэтому более детальное выяснение содержания рассматриваемого понятия представляет закономерный научный интерес.

В этой связи заслуживают всяческого одобрения результаты предпринятых российскими учеными (экономистами и эконом-социологами) междисциплинарных попыток определить сущность экономической ментальности как объекта исследования. Так, российские авторы Ю. Латов, Н. Латова, Т. Вуколова следующим образом определяют суть данного понятия: «*Экономическую ментальность* характеризуют экономические ценности и нормы поведения, характерные в той или иной степени для представителей какой-либо группы. Важнейшими составляющими экономической ментальности являются ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, нормы и образцы социального взаимодействия, стереотипы потребления, организационные формы хозяйственной жизнедеятельности, степень восприимчивости к зарубежному опыту».¹

Российский институционалист А. Олейник в глоссарии к учебнику „Институциональная экономика“ определяет сущность рассматриваемой категории следующим образом: **„Экономическая ментальность (economic mentality) -** характеризует специфику сознания населения, которое складывается исторически и проявляется в единстве сознательных и несознательных ценностей, норм и установок, которые отображаются в поведении населения. Она включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, а также степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту“.²

Как видно, содержание экономической ментальности составляют следующие основные структурные элементы:

- ценности, мотивы, нормы, образцы экономического поведения и социального взаимодействия в сфере хозяйственной деятельности;
- ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству;
- представление о приемлемости и предпочтительности организационных форм хозяйственной жизнедеятельности;
- стереотипы потребления;
- степень восприимчивости к зарубежному опыту.

В основе экономической ментальности лежат глубинные психологические установки и ценности индивидов и социальных общностей, их стойкие психологические предпочтения и реакции, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Именно поэтому ментальность определяет мотивы и модели поведения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности и детерминирующие ее.

Структурные уровни экономической ментальности. В экономической ментальности можно, на наш взгляд, вычлениить следующие уровни ее реализации:

- уровень бессознательного (подсознание, коллективное несознательное, трансперсональное сознание);
- уровень сознательного (осознание, рефлексия).
- уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и несознательных (подсознательных, трансперсональных) ценностей;
- уровень ментальности определенного социального группы, сообщества, единство общепринятых в их пределах норм и установок.

Существует точка зрения на то, что ментальность выражает не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличностную сторону общественного сознания. Некоторые исследователи полагают, что — это нечто коллективное и бессознательное. Что ментальность характеризует синтез сознания и коллективного бессознательного, обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать.

Экономическую ментальность определяют такие признаки, как историзм и общественный характер. Их влияние проявляется в следующем:

- экономическая ментальность синтезирует и аккумулирует результаты предшествующего *культурного* развития, его общецивилизационные, общественно-стадиальные, этно-национальные и прочие параметры;
- черты ментальности варьируют соответственно *социально-экономической* специфике ее носителей: их статуса, нужд, интересов, целей и т.п.;
- *национальный* характер (тип) экономической ментальности обуславливает ее широкую вариативность (специфичность) для различных этносов, наций, жителей разных стран и регионов;
- отметим также влияние на ее формирование определяющих *религиозных* моральных норм и этических принципов.

То есть, под экономической ментальностью следует понимать исторически сформированное индивидуальное и общественное экономическое сознание, специфический характер которого определяется типом экономической эпохи, культурными особенностями, социальной принадлежностью, этно-национальными и другими особенностями носителей ментальности. Ей присущи черты природного и культурного, эмоционального и рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и общественного. Считается, что понятие ментального позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами. Структурирование определяющих аспектов экономической ментальности, видимо, можно продолжить и далее.

Место экономической ментальности в институциональной структуре экономики.

Исходной и одновременно центральной категорией институциональной экономической теории является институция (в зарубежных источниках – institution, в российских – институт). О степени ее значимости свидетельствует не только то, что она определила дисциплинарную матрицу (предметное поле и методологию) институционализма как научного направления, но и непосредственно воплотилась в его названии. Категория «институция», представляя важнейший аналитический инструмент институциональной экономической теории – как традиционной, так и новой, нацелена на раскрытие и исследование достаточно сложной и многогранной структуры институционального устройства экономики любого типа.

Экономическую ментальность можно рассматривать, как значимый элемент неформальной подсистемы институциональной структуры экономики. Вместе с другими неформальными институциями экономическая ментальность детерминирует институциональную среду экономики, а в историческом временном континууме составляет основание для подсистемы формальных институций. Экономическую ментальность можно рассматривать как базовый системообразующий и системодетерминирующий элемент институционального экономического строя (устройства) общества.

Национальная экономическая ментальность и институциональные изменения. Следует отметить, что степень реального соответствия (несоответствия) между неформальными и формальными институциями во многом предопределяется национальной экономической ментальностью. Этим определяется несомненный научно-практический интерес к ее изучению в рамках проводимых в постсоветских странах институциональных экономических исследований. **Национальная экономическая ментальность** – это соответствующая интегральная социо-психологическая характеристика особенностей экономической жизнедеятельности этносов, народностей, наций. Она предопределяет специфичность интересов, приоритетов и мотиваций людей, принадлежащих к определенной национальной культуре, в сфере их хозяйственной деятельности. Этот тип ментальности отражает своеобразность видения ими экономических отношений, обуславливает национальный тип экономического поведения. «В национальной экономической ментальности личности представлена та часть культуры, которая дает человеку возможность ориентироваться в хозяйственной жизни, в современных экономических реалиях».³

Нельзя не согласиться с точкой зрения ученых-обществоведов о том, что успех социально-экономических реформ, тем более, системной и масштабной социально-экономической трансформации, в конце концов, определяется готовностью нации (в политическом и этническом смысле) к новому экономическому устройству общества, новым институциям. В категориях институциональной экономической теории речь идет о конгруэнтности неформальных и формальных институций. В частности, в сфере экономических преобразований, имеется в виду *конгруэнтность национальной экономической ментальности* и создаваемых в ходе реформирования (трансформации) *формальных институций*. Именно от этого, в конечном счете, зависит скорость, глубина и последовательность, полнота и необратимость реформ. Нам представляются возможными следующие варианты их соотношения:

- полное несоответствие (неприятие, отторжение), что влечет за собой провал, неэффективность, затяжной характер и даже бесперспективность реформ;

- частичное соответствие, которое достигается двумя путями:

- постепенная адаптация национальной экономической ментальности к новым формальным институциям (наличие социально-психологической восприимчивости к ним);
- деформация новых формальных институций в соответствии с господствующими национальными ментальными стереотипами;

- изначально высокий (достаточный) уровень взаимного соответствия.

Понятно, что предпочтительным является последний вариант. Он свидетельствует о ментальной (культурной, духовной, психологической) готовности (предрасположенности) нации воспринять институциональные нововведения.

Естественно, наилучшим вариантом является третий, хотя в реальной действительности, видимо, происходит более сложное взаимодействие многочисленных элементов национальной экономической ментальности (как системы) с системой новых социальных и экономических институций. Такое взаимодействие не исключает комбинирование приведенных выше вариантов, и речь идет о том, какой из них все-таки превалирует.

Экономическая ментальность и экономическая ортодоксия. Прежде всего, возникает вопрос: представлена ли категория экономической ментальности в экономической ортодоксии, и если да, то в какой степени?

Прежде всего, следует отметить, что, безусловно, экономическая ментальность не представлена во всем объеме своего содержания, в частности ее социальным и

национальным контентом, в теоретико-аналитической системе экономической ортодоксии. Это проявляется в следующем:

- она непосредственно не включена в предмет экономической ортодоксии (политической экономии - классика, марксизм; экономикс - неоклассика) в качестве самостоятельного компонента;
- вследствие этого данное понятие отсутствует в категориальной сетке политической экономии и экономикс;
- как результат - экономическая ментальность исключена как из позитивной, так и из нормативной ортодоксальной экономической теории, что существенно обеднило креативный потенциал и конечную эффективность социально-экономического проектирования (реформирования).

Вместе с тем, поскольку исходным методологическим принципом экономической ортодоксии (неоклассика) является методологический индивидуализм, экономическая ментальность частично представлена в ней - преимущественно на уровне индивидуального экономического самосознания индивида как экономического субъекта. Экономическая ментальность индивида рассматривается в неоклассике как основа максимизирующего целерационального поведения.

В целом, как нам представляется, экономическая ментальность, вопреки своей реальной значимости в генезисе и эволюции экономических систем различных эпох и типов, не обрела надлежащего ей статуса в экономической ортодоксии. Однако, если в условиях теоретико-методологического плюрализма Западной экономической мысли этот и прочие просчеты экономической ортодоксии определенным образом восполнялись научными наработками гетеродоксии (новая и новейшая историческая школы, институционализм во всех его проявлениях, неоавстрийская школа, социальная и эволюционная экономика и др.), то для советской (пока во-многом и постсоветской) экономической мысли безальтернативность официальной науки имела более глубокие и губительные научные последствия. Речь идет о полном игнорировании экономической ментальности, также как и ее многочисленных аспектов - духовных, религиозно-мировоззренческих, моральных, этических, культурных, этно-национальных, социальных и пр., в предмете официальной экономической науки.

Особенно негативно последнее проявилось в ходе экономического реформирования, включая ранне- и позднеперестроечный период, период рыночных реформ, в попытках механического заимствования зарубежного опыта. Именно поэтому проблема экономической ментальности, как части институционального устройства экономики и общества, до недавнего времени являлась в украинской экономической теории сплошным «белым пятном». С учетом происходящих в последние годы некоторых подвижек в сторону институционального анализа данная проблема в настоящее время относится к числу наименее разработанных экономических проблем в отечественной экономической науке.

Экономическая ментальность в институциональной экономической теории.

Научный приоритет введения в теоретический оборот *ментальности социальных групп, как основополагающей институции*, принадлежит ранним институционалистам (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл). Несмотря на незначительные отклонения в оттенках значений, под институцией они понимали преимущественно совокупность установившихся обычаев, традиций, **способов мышления** и поведенческих стереотипов индивидов, как членов социальных групп, и общества в целом. Представителями раннего институционализма в понятие институции включались выработанные предшествующим социальным развитием и унаследованные последующими его фазами установившиеся **ментальные образцы**, регулирующие, регламентирующие взаимодействие людей на уровне традиций, обычаев и права. Введение этих элементов в ткань экономического исследования берет свое начало в работах представителей философии прагматизма - К. Пирса и Дж. Дью, которые были учителями и друзьями Веблена и Митчелла. В частности, К. Пирс особо подчеркивал роль «мыслительных привычек».⁴

В работе «Место науки в современной цивилизации и другие аспекты» (1919) Т.Веблен пишет, в частности, об институциях как об «устоявшихся *навыках мышления* (курсив - Г.Т.), общих для большинства людей»⁵, подчеркивая, что институции являются продуктом длительного предшествующего историко-социального опыта людей. У. Гамильтон определял институции следующим образом: «Институции – это вербальный символ для лучшего обозначения ряда общественных обычаев. Они означают преобладающий и стойкий *способ мышления* (курсив - Г.Т.) или действия, ставший обычным для группы и превратившийся для народа в обычай».⁶

Для традиционного институционализма (раннего и современного) учет фактора экономической ментальности во всей его социальной полноте служит своеобразным «тараном» для прорыва экономической теории в отрасль междисциплинарных исследований, смежных с другими общественными науками. Такой подход явился теоретическим средством включения социального, исторического и культурного антропогенеза в плоскость экономической науки (переход от анализа «экономического человека» к всесторонности, универсумности «человека социального»).

Элементы аналитической и структурной четкости были привнесены в исследования экономической ментальности в составе неформального институционального устройства общества предвестниками и представителями нового институционализма (Ф.А.Хайек, Д.Норт, Э.Рих, А.Сен, Э. де Сото и др.). Новый институционализм апеллирует к экономической ментальности экономического индивида с позиций методологического индивидуализма. Как элемент «жесткого ядра» неоклассики, этот исследовательский принцип сохраняется в качестве конституирующего элемента практически всех концептуальных составляющих новой институциональной экономической теории, воплощается в различных течениях экономического империализма, в частности, в теории экономического выбора.

Из истории научного освоения экономической ментальности в украинской экономической науке. Изучение временных рамок и содержательной стороны генезиса раннего традиционного институционализма (в литературе также именуемого „старым“) свидетельствует о синхронности этого процесса в США и странах Западной Европы. Анализ тенденций развития украинской экономической мысли конца XIX – начала XX века, на наш взгляд, дает реальные основания полагать, что и в ней также прослеживалось формирование самобытной институциональной направленности украинских теоретических исследований. В трудах Н. Бунге, Д. Пихно, М. Туган-Барановского, Н. Зиберы, Н. Соболева, В. Железнова, В. Левитского и др. мы находим ценные методологические подходы к анализу экономической ментальности. Их наличие обусловлено общностью теоретических источников американского и европейского институционализма, т.е. мощным теоретико-методологическим влиянием основного источника протоинституциональной научной традиции – немецкой исторической школы.

Примером является Киевская политэкономическая школа, которая сформировалась в Императорском университете Св. Владимира в последней трети XIX ст. под эгидой Н.Х. Бунге. Представителями Киевской школы стали его ученики, профессора и преподаватели университетской кафедры политической экономии и статистики Д.И. Пихно, Р.Н. Орженцкий, А.Д. Билимович, Я.А. Антонович, В.Ф. Залесский. Их фундаментальные экономические работы приходятся на три последних десятилетия XIX – начало XX ст. (заметим, что именно с 70-х гг. XIX ст. начинается профессионализация экономической науки в Европе).

Одной из определяющих черт Киевской школы стало ее значительное методологическое родство с историческим направлением немецкой экономической мысли. Последнее, как известно, явилось мощным теоретико-методологическим источником институционализма. Именно поэтому в работах ученых Киевского университета прослеживаются отчетливые *признаки становления институционально ориентированной экономической теории*.⁷ В своих работах Н.Х. Бунге неоднократно обращал внимание на роль «*причин общественных, обычаев, законов, учреждений*» в реализации рыночных отношений, функционировании капитала, действии сил соперничества (конкуренции),

указывал на становление «обычаев, учреждений и законов, которые укрепляют моральное и материальное благосостояние всех и каждого».⁸ Зрелые взгляды Бунге отличались от смитианства именно тяготением к более широкому пониманию предмета политической экономии, включением в экономический контекст институционных аспектов. В изданном в 1869 г. университетском лекционном курсе полицейского права Н.Х. Бунге высказал точку зрения о том, что «нормы хозяйственного устройства, подобно всем общественным явлениям, имеют, вне сомнений, и общечеловеческую, и национальную стороны, и в этом смысле объединяют в себе обе стихии».⁹

Этот подход был воспринят его учеником Д.И. Пихно. В своей фундаментальной теоретической работе «Основания политической экономии» (1899) к традиционной структуре трех основных факторов производства - природы, работы и капитала - прибавлял и четвертый фактор - культурно-исторические силы народа. Он обращает внимание на то, что действие последнего фактора обуславливает полноту и эффективность реализации трех предыдущих, определяет характер и темпы экономического развития страны (нации), может осуществлять на него ускоряющее или тормозящее влияние. «Производительность трех основных факторов - природы, труда и капитала оказывается весьма разной в зависимости от культурно-исторических условий народного хозяйства, или, иначе говоря, от культурно-исторических сил народа», - писал Д.И. Пихно.¹⁰

Примером становления институционально-ориентированных исследований хозяйственной деятельности человека также является экономическое наследие С.Н. Булгакова (1871-1944), выдающегося русского мыслителя, ученого и богослова, жизненный путь и творческая судьба которого были связаны не только с Россией, но и с Украиной.¹¹ Упоминание его в данном контексте не случайно. Ученый повлиял на развитие в научном сообществе киевских ученых-экономистов традиции исследования духовной стороны хозяйствующего субъекта, нравственно-этических начал экономической ментальности.

В этой связи заслуживает внимания олицетворение в биографии Булгакова духовной связи двух культур - украинской и русской. К слову, весьма значительные, если не переломные, этапы его идейного восхождения к новому мировосприятию хозяйственной деятельности человека приходились на времена пребывания в Украине. Так, с 1900 по 1906 гг. С.М. Булгаков в качестве приват-доцента работал на кафедре политической экономии Киевского политехнического института, преподавал политическую экономию в Императорском университете Св. Владимира, создал среди киевской научной интеллигенции философско-экономическое общество. В этот «киевский период» творческой биографии ученого началась его очень важная и напряженная идейная эволюция от экономического материализма и марксизма к субъективному идеализму и православию. Вторично судьба свела Булгакова с Украиной на еще одном переломном этапе его жизни. В 1918 г. после принятия духовного сана он переезжает в Крым, где определенное время преподает в Симферопольском университете. В Крыму он оставался до начала 1923 г. Отсюда, вместе с блестящей плеядой других выдающихся русских философов-идеалистов, на печально известном «философском» пароходе отправился в принудительную эмиграцию-изгнание.

Важным импульсом в эволюции методологических основ С.Н. Булгакова стало осмысление научного наследия выдающихся немецких ученых В.Зомбарта и М. Вебера. Их работы, между прочим, также были образцом интересного и самобытного применения философской методологии неокантианства к социально-историческим и социально-экономическим исследованиям, воплощению приоритетности духовного фактора в теории общественно-исторического хозяйственного развития. Прослеживается безусловное идейное родство теоретических подходов Вебера с булгаковским стремлением определить целесообразность хозяйственной деятельности человека через ее соответствие этическим принципам православия.¹²

Основой формирования нового содержания политэкономических взглядов Булгакова (как, кстати, и ранними институционалистами) стала критика им центрального элемента

экономической ортодоксии - модели «экономического человека». С. Булгаков выступил с последовательным опровержением радикально утилитаристской философии, доминировавшей в экономической теории. Вопреки ортодоксально-классическому подходу, Булгаков отстаивал более широкий взгляд на содержание экономической деятельности человека в обществе, рассматривая ее как воплощение этических норм, хозяйственной культуры, религиозно-мировоззренческих основ хозяйствующей личности.¹³ Следует отметить, что изменения в толковании С. Булгаковым человека в значительной мере сформировались под влиянием Веберовской концепции примата религиозной этики в возникновении и эволюции новых форм хозяйственной жизни, в частности, рыночно-предпринимательской системы хозяйствования (капитализма).

Работа «Народного хозяйства и религиозной личности» стала одним из первых в русской научной литературе образцов использования этического метода в экономической теории. На время ее написания Булгаков уже прошел путь от субъективного идеализма к православию. Методология Веберовского анализа протестантской хозяйственной этики была им творчески воспринята и развита на примере исследования религиозного фундамента православной трудовой этики. С.Н. Булгаков, в частности, сосредоточился на обосновании и раскрытии положительного морального влияния и хозяйственной роли православной аскезы, подчеркивая в ней не столько жертвенность, сколько моральный мотив сознательного общественного служения, ориентированность на экономическую рациональность и эффективность.

К сожалению, в послереволюционный период полноценный генезис и дальнейшее развитие институционализма как в российской, так и в отечественной экономической теории, по известным историческим причинам, был прерван. Вследствие этого была полностью блокирована дальнейшая разработка проблем социальной и экономической ментальности.

Когнитивное, методологическое и научно-практическое значение категории национальной экономической ментальности в экономической транзитологии и институциональном проектировании в Украине.

Национальная экономическая ментальность сообщает экономическому развитию нации устойчивость, постоянную воспроизводимость хозяйственной этики, привычек, обычаев, традиций и других элементов неформальной институциональной среды. Этими качествами обеспечивается генетическая преемственность достижений исторического и национально-культурного развития человеческих сообществ. Именно благодаря учету этой воспроизводимости и рутинизованности открываются дополнительные познавательные возможности практического применения данной категории в теоретических исследованиях в области транзитологии и институционального проектирования.

Институциональная экономическая теория в Украине пока находится в состоянии становления.¹⁴ Этим, в частности, объясняется отсутствие в отечественной экономической литературе работ, непосредственно посвященных исследованию особенностей украинской экономической ментальности. Поэтому несомненный научный интерес представляли бы специальные исследования черт национальной экономической ментальности с учетом специфики природно-географического фактора развития украинской нации, геополитических особенностей Украины, ее экономической истории, национальной культуры, национальной психологии. Тем более, что ментальность характеризуется диффузной природой, определенной «разлитостью» в культуре и обыденном сознании народа, нации.

Важными вехами становления украинской экономической ментальности явилась эпоха Киевской Руси (княжья пора), история украинского крестьянства и козачества (укр. – козак), эпоха становления и развития капитализма (вторая половина XIX – начало XX ст.), история Украинской Народной Республики (1917-1920). Их учет дает возможность выделить некоторые определяющие элементы экономической ментальности украинской нации.

1. Индивидуализм. Для микрокосма украинца в целом характерен своеобразный „самоцентризм“. Его проявлениями служит приоритет собственных (индивидуальных) аспектов экономической жизнедеятельности, способность и стремление к самостоятельному жизнеобеспечению, способность и желание принимать самостоятельные решения. Также обращение преимущественно к собственному здравому смыслу и опыту, а не привычка полагаться на мнение авторитетов.

Индивидуализм в украинском национальном характере, несомненно, превалирует над коллективизмом. В условиях сравнительно благоприятных природно-климатических условий, высокой природной производительности земледелия и свойственного нации трудолюбия потребность в проявлении коллективизма в экономической жизни украинцев были минимизирована. Она возникала либо в связи с отпавлением общественных потребностей (выпас стада, строительство культовых сооружений), либо в сравнительно редких случаях, когда удовлетворение индивидуальных потребностей, требовало объединения коллективных трудовых усилий (толока – строительство дома).

2. Стремление к экономической самостоятельности (независимости). Такая черта национального характера, как стремление к свободе (феномен украинского козачества), в сфере экономической жизни проявлялся в предпочтении организационных форм хозяйствования, которые дают наибольшую экономическую самостоятельность субъекту хозяйствования (единоличное крестьянское, хуторское хозяйство, фермерство).

Социальные философы и социо-психологи ведут речь о свойственности украинской ментальности своего рода хуторского типа психологии. В этом прослеживается определенная ментальная общность с поляками, литовцами.

3. Для украинского хозяйственного уклада не свойственна крестьянская община. Об украинской экономической ментальности, особенно в сравнении российской, можно говорить как об **антиобщинной**. Это черта сложилась исторически и проявилась в неприятии украинской общественно-политической и экономической мыслью XIX ст. народнической идеи общинного устройства.

4. Антиавторитаризм. Проявляется в тяготении украинской экономической ментальности к демократическим ценностям, демократическому типу социального и государственного устройства. Историческими примерами (проявлениями) является многокняжье (VII-XI ст.), выборная гетманская форма правления в Запорожской Сечи (XVII-VIII ст.), республиканское устройство козацкой державы. Склонность к либерально-демократической модели общественного устройства проявилась и в начале XX ст., в период создание Украинской Народной Республики (1917-20-х гг.). Украинская нация в своей истории не знала монархического устройства, царской власти. Царизм – российское политическое явление и традиция.

5. Антиэтатизм. Является исконной национальной чертой украинской экономической и политической ментальности. Проявляется в стремлении полагаться на себя, а не на государство. Обусловлен этнически и исторически. Государство (после Киевской Руси) противостояло как орган чужеродного национального и социального угнетения.

6. Стремление к достатку. В этическом кодексе украинца достаток, богатство – это позитивные ценности, к которым следует стремиться. Такое оптимистически-здоровое отношение к благосостоянию (без ментального надрыва, трагической рефлексии) роднит украинскую ментальность с европейской.

7. Национальное трудолюбие. Дополнением к этой черте выступает наследуемая осознанная (традиционная) подчиненность хозяйственному распорядку, способность к поддержанию динамичности и ритмичности трудового образа жизни.

8. Склонность к эстетизации труда и быта. Тяга к художественному украшению быта независимо от уровня достатка проявлялась практически во всем: и в одежде (венки, вышивании), и в обрядовости, и в народных ремеслах, и в воспетых Т. Шевченко «вышневых садках» и «билых хатках», и в архитектуре (явление украинского барокко).

Первые шесть доминирующих, на наш взгляд, черт украинской экономической ментальности определяют ее существенные отличия от российской и значительную общность с общеевропейской («восточноевропейской»). Вывод о том, какое значение для нивелирования этих черт сыграло длительное пребывание в составе Российской империи и СССР, читатель может сделать сам.

Украинская экономическая ментальность и рыночные преобразования. Классификация и анализ превалирующих черт национальной экономической ментальности важны для оценки степени их конгруэнтности (как элемента неформальной институциональной среды) рыночному устройству и рыночным формам хозяйствования (в их формально-институциональном воплощении). Это необходимо для выбора оптимальной модели институционального развития каждого конкретного национального типа постсоветской экономики, соответствующей корректировки стратегии и тактики экономических реформ.

Оптимизация институциональной структуры национальной модели рынка предполагает коррекцию «идеального типа» рыночной экономики с учетом собственной истории хозяйственного развития (анализа траектории предшествующего пути), особенностей «духа нации», т.е. национальной ментальности.

Как нам представляется, среди российских экономистов преобладает точка зрения о том, что для российской культуры свойственна «антикапиталистическая ментальность», что делает проблематичным либо существенно усложняет формирование в России современной системы рыночного хозяйства. На этой основе в России преобладают весьма пессимистические оценки степени культурной готовности россиян к «вхождению в рынок». Определенным образом это подтверждается конкретными этнометрическими исследованиями, показывающими, что «даже наиболее «продвинутая» часть населения, молодежь, не имеет в полной мере всего необходимого набора ценностей «капиталистической ментальности».¹⁵

По мнению российского исследователя Н. Латовой, «нормальному» предпринимателю (согласно работам М. Вебера, Й. Шумпетера и других западных исследователей предпринимательства) должны быть присущи следующие черты:

1. рациональность;
2. стремление к богатству как самоцель (стремление зарабатывать и стремление инвестировать);
3. честность (готовность выполнять взятые на себя обязательства, согласие сообщать о себе негативную информацию);
4. самостоятельность (индивидуализм);
5. стремление к равенству возможностей (низкая социальная дистанция);
6. готовность к риску;
7. стремление к лидерству;
8. стремление к новаторству.

Наличие этих признаков рассматривается как свидетельство «капиталистической ментальности», их отсутствие – ментальности «анти-капиталистической».¹⁶ Не отрицая содержания предложенного перечня черт «духа капитализма» в него, на наш взгляд, следует внести учет фактора историзма. Это предполагает градацию уровня зрелости ментальной предрасположенности к рыночному хозяйствованию. При этом следует учесть целесообразность разграничения (по Веберу) «типов» самого капитализма, ступеней его исторической (эволюционной) зрелости. К примеру, историческое прошлое позволяет говорить о меркантилистском капитализме (как известно, зарубежные

институционалисты склонны видеть в постсоветском капитализме современный меркантилизм), классическом капитализме, постиндустриальном капитализме, посткапитализме (П. Дракер) и т.д.

В частности, для этапа генезиса капиталистической или рыночной системы (соизмеримого с нынешними транзитивными процессами в постсоциалистических странах) наибольшее значение имеет наличие в национальном менталитете следующих характеристик:

1. индивидуализм (самостоятельность);
2. стремление к богатству (способность накапливать и стремление инвестировать)
3. рациональность,
4. предприимчивость,
5. стремление к равенству возможностей.

По Веберу, именно они, пожалуй, за исключением последней, составляли основу европейского «духа капитализма». Такому набору ментальных характеристик близка позиция современных исследователей, согласно которой идеальная «капиталистическая ментальность» должна обладать следующими характеристиками: - сильный индивидуализм, - дистанция власти, - слабое избегание неопределенности, - сильная маскулинность.¹⁷

Первые шесть определяющих элементов экономической ментальности украинской нации, в целом, соответствуют набору основных черт психологии рыночного типа. В диапазоне шкалы ценностей от коллективизма до индивидуализма украинская национальная экономическая ментальность более тяготеет к европейской (восточноевропейской) ментальности. Украинскому национальному характеру недостает, разве что, маскулинности. Отечественные этнологи и этнопсихологи в связи с этим указывают на проявления женственности (зависимости, неактивности, стремлении найти опору вовне) украинского национального характера. По таким характеристикам, как индивидуализм, стремление к экономической самостоятельности, антиэтатизм, приятие достатка и другим, ментальные особенности украинской нации в достаточно высокой степени соответствуют уровню ментальной предрасположенности восточноевропейских наций к рыночной системе хозяйствования. К сожалению, специальные количественные исследования сравнительной степени их интенсивности этих черт пока отсутствуют.

Однозначно можно констатировать исторически более высокий уровень ментальной исторической предрасположенности украинской нации по сравнению с россиянами к восприятию рыночных форм хозяйствования. Об этом свидетельствует неприятие общинного уклада, преимущественное развитие товарного крестьянского (фермерского) земледелия в XVII- XVIII ст., в эпоху Козацкой державы. В Сечь бежали, спасаясь от закрепощения, закабаления. Запорожская Сечь не знала рабства, культивировала социальное (не имущественное) равенство. Последующее разрушение Сечи российским самодержавием (Екатерина II) приостановило и повернуло вспять эти процессы, способствуя дальнейшему насаждению крепостничества на территории Украины. Эпоха Запорожской Сечи в отечественной истории знаменовала первую историческую волну генезиса капитализма, украинского меркантилизма. Она отмечена временной синхронизацией с генезисом капитализма в странах континентальной Европы. К сожалению, последующим тотальным искоренением украинского казачества и порожденных им демократических традиций, в том числе и в хозяйственной жизни, Украина была обречена на длительный откат в крепостническое средневековье, а в последующем неоднократно повторяла попытки войти в рыночное пространство.

Позднее, в середине и конце XIX ст., Украина в составе Российской империи повторила попытку генезиса капитализма. Именно в этот период на территории Украины (Центральный, Южный регионы) наиболее активно шло развитие капиталистических форм в земледелии, промышленности, финансовой сфере, более быстрыми темпами происходило перерастание индивидуального капитала в монополистический

(акционерно-корпоративный). Укрепившаяся в это время устойчивая ментальная склонности украинского крестьянства к рыночно-товарному производству сохранилась вплоть до периода массовой коллективизации.

Европейская ориентация отличала украинскую экономическую науку с самого начала ее становления (первая половина XIX ст.). Этим, а не поиском национальной исключительности, она принципиально отличалась от российской. Именно проевропейская идейная и теоретическая направленность характеризовала ее ведущую научную школу - Киевскую политэкономическую школу. На это, в частности, указывал в своей обобщающей характеристике Киевской школы ее видный представитель А.Д. Билимович: „...по многим наиболее важным вопросам, как экономической теории, так и экономической политики она резко расходится с другой школой русских экономистов, марксистской в теории и народнической в политике, школой московской”.¹⁸ Основатель Киевской школы М.Х. Бунге был признан современниками настоящим миссионером европейской экономической науки.

Научной особенностью Киевской школы стало творческое объединение в теоретическом наследии ее представителей идей классического либерализма с теоретико-методологическими основами немецкого исторического направления. Классическая теория, так сказать, определяла общий вектор, стратегию капиталистического рыночно-индустриального развития, неопровержимо воспринятую киевскими учеными (в отличие от их русских коллег). Идеи же исторической школы ориентировали отечественных экономистов на нахождение национально-специфических путей реализации этой общей стратегии.

Региональная дифференциация украинской экономической ментальности. На сложившиеся исторические различия экономической ментальности жителей разных регионов Украины оказали влияние особенности их исторического развития, различие векторов колониального влияния. Западные земли Украины длительное время входили в состав Польши, Австро-Венгрии, Центральные и Восточные – в состав Российской империи. Это наложило определенный отпечаток на их исторически-обусловленные ментальные различия.

Указанные регионы Украины также находились под различным религиозным (конфессиональным) влиянием. С точки зрения их осмысления, научный интерес представлял бы современный опыт творческого применения Веберовской научной традиции изучения ментальных (социо-духовных) аспектов протестантской этики, а также учения С. Булгакова (философия хозяйства, православная аскеза и трудовая этика) для изучения этико-религиозной детерминанты украинской экономической ментальности в общенациональном и региональном аспектах.

Геополитическое положение западных регионов Украины позволяло осуществлять через территорию Польши активные институциональные заимствования из стран Центральной и Восточной Европы. Речь, к примеру, идет об отслеживании влияния хозяйственной этики католицизма и протестантизма на формирование особенностей экономической ментальности жителей Западной и Южной Украины. Так, западные украинские земли – территории традиционного преобладания католицизма и греко-католичества. В свое время через эти территории также происходило «просачивание» идей эпохи Реформации с присущим ему культом рациональности и склонности к индивидуальному предпринимательству. Напомним, что из Веберовской трактовки вытекает смысл Реформации как духовной революции, предопределившей ментальную (духовную) предрасположенность прошедших через нее европейских наций, их готовность к восприятию капитализма, рыночной экономики. Поэтому именно у населения западных регионов Украины - наиболее «прорыночное», «прокапиталистическое» экономическое сознание.

Экономическая ментальность жителей Центрального и Восточного регионов Украины формировалась под преимущественным влиянием православия. Сказалось и то, что в разные исторические периоды (дореволюционный, советский) в ходе индустриальной

урбанизации Восточный регион принимал мощные миграционные потоки россиян с присущим им коллективистским типом экономической ментальности. Это способствовало формированию своеобразного пролетарско-маргинального сознания этнически некоренного населения, склонности к уравнилельно-распределительному типу отношений, коллективизму, в противоположность крестьянскому хозяйственному индивидуализму основной части украинской нации.

Культурно-ментальные деформации украинской экономической ментальности.

Сложности становления украинской национальной государственности, длительное пребывание отдельных частей Украины в составе империй (Российской, Австро-Венгерской) и иных государств (Польша), национальный гнет (запрещение языка, культуры, преследование веры) негативно повлияли на украинский национальный характер и ментальность. Негативные деформации возникли под влиянием достаточно давнего и стойкого комплекса национальной малозначимости (укр. – меншовартості). Его проявлениями стали различные формы отречения от своей этничности, языка (суржик), культуры, пренебрежение национальными традициями, стремление даже на своей исторической территории ассимилироваться с политически господствующими нациями.

Отдельного рассмотрения заслуживает изучение проявлений *массового насильственного искоренения черт национальной экономической ментальности украинцев* в советский период. Невосполнимый ущерб национальной экономической ментальности нанесли процессы (и последствия) коллективизации, тоталитарных репрессий, направленного избирательного искоренения украинского национализма (его идеологов, идеологии, ее выразителей). Речь идет, прежде всего, о спланированном голодоморе (искусственного голоде) 1930-х гг. на территории Украины, который имел характер четко направленного этноцида. Его целью и результатом было искоренение многомиллионного социального слоя (а, возможно, и социального остова общества) наиболее экономически активного и самодостаточного украинского крестьянства, с его неискоренимой этничной тягой к индивидуальному землепользованию, рыночным формам хозяйствования и тотальным неприятием коллективизации. В институциональном аспекте массовое физическое уничтожение цвета украинского крестьянства привело к подрыву и разрушению основ институционального устройства украинского общества, невозможности легального воспроизводства и проявления его базисных элементов. В дальнейшем, включая и эпоху застоя, в тех или иных формах продолжалось разрушение и активная деформация черт украинской национальной экономической ментальности. Серьезное изучение последних, в том числе и силами отечественной экономической науки, послужит как процессам дальнейшего национально-культурного возрождения, так и оптимизации хода экономических реформ и демократических преобразований в Украине.

¹ Экономическая ментальность россиян: Тула – Россия – мир (грантовое исследование № КТК-292-2-02. Ю.В. Латова, Н.В. Латова, Т.С. Вуколовой) // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/115492.html>.

² Институциональная экономика: Ученик / Под общ. ред. А. Олейника. - Г.: ИНФРА-М, 2005. - С. 702.

³ Экономическая ментальность россиян... <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/115492.html>.

⁴ *Тавено Л.* Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук. - В кн.: Институциональная экономика: Ученик / Под общ. ред. А. Олейника. - Г.: ИНФРА-М, 2005. - С. 83

⁵ *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays. - N.-Y.: Huesch, 1919. - P. 239.

⁶ *Hamilton W.* Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. - New York, 1932. - v. VIII. P. 84.

⁷ *Гайдай Т.В.* Інституційні аспекти теоретичної спадщини Київської політекономічної школи // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Економіка. - Вип. 74. - К.: 2005. - С. 12-16.

⁸ *Бунге Н.Х.* Основания политической экономии. - К.: Университет. типограф., 1870. - С. 83; *Бунге Н.Х.* Загробные заметки / Публикация В.Л. Степанова // Река времен. Кн. 1. М.: "Река времен" - Эллис Лак, 1995. - С. 231.

⁹ *Бунге Н.Х.* Полицейское право: курс лекций, читанный Университете св. Владимира профессором Н.Х. Бунге. - Вып. 1-3. - К., 1869. - С. 41.

¹⁰ *Пихно Д.И.* Основания политической экономии. 2-е изд. Выпуск первый. - К., 1899. - С. 71.

¹¹ *Гайдай Т.В.* Эволюция экономических взглядов С.Н. Булгакова в контексте определяющих направлений мировой экономической мысли // Философия хозяйства, № 3. - М., 2004. - С. 242-248.

¹² *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. - М.: Наука, 1990. - С. 237, 252-253.

¹³ *Булгаков С.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. В 2-х т., Т.І. - М., 1911. - С. 179-203.

¹⁴ См. подробнее: *Дементьев В.В.* Институциональная теория в Украине: направления исследований, особенности, перспективы // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. Выпуск 103-1. Донецк, ДонНТУ, 2006. - С. 17-31. - <http://www.dgtu.donetsk.>; Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. - Донецк, 2005.

¹⁵ См. подробнее: *Латова Н.В.* Российская экономическая ментальность: какой она стала в 1990-е годы и какой тип работника сформировался в результате? // Интернет-конференция: «Поиск эффективных институтов для России XXI века» с 27.10.03 по 27.12.03. - <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/115492.html>.

¹⁶ См. подробнее: *Латова Н.В.*, там же.

¹⁷ *Латова Н.В.*, там же.

¹⁸ *Памяти Д.И. Пихно.* Сообщение профессора А.Д. Билимовича и профессора Н.М. Цитовича. - СПб., 1913. - С.13-14.